

Председателю Диссертационного совета
по защите диссертаций на соискание
степени кандидата философских наук
Д. 002.015.01 на базе Института философии
Российской академии наук

**Отзыв
официального оппонента на диссертацию
Тестова Дмитрия Фаруковича**

**«Понятие паттерна в антропологии Грегори Бейтсона.
Философские аспекты»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских
наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия
культуры**

Прежде всего следует отметить, что Д.Ф. Тестов в качестве основного предмета исследования выбрал не отдельный аспект, идею или понятие из всего наследия Грегори Бейтсона, а, по существу, – ядро его теоретического аппарата – «паттерн». Сам по себе такой замысел потребовал от его исполнителя глубокого погружения в проблематику не только философской антропологии и философии культуры, но и культурной антропологии, кибернетики, теории информации, а также в другие области социологии и гуманитаристики.

Ознакомление с текстом уже в порядке первого приближения позволяет сложить уверенность в том, что его автор обстоятельно проработал внушительный объем материала – источники (тексты Бейтсона и его научного окружения) и исследовательскую литературу по всему кругу проблем, которые он поставил в своей диссертации. Автор, по моему мнению, справился со стилистикой изложения. Ему удалось представить сложные обороты мысли, конструкционные изыски и методические приемы Бейтсона в достаточно ясной и доступной форме. Во всем присутствует опыт многолетней и кропотливой работы с материалом.

Во введении Д.Ф. Тестов справедливо утверждает, что работы Бейтсона не должны рассматриваться «лишь как текст, как особый род литературы, где «паттерн» играет роль компонента внутрипроизведенческого мимесиса» (с.17). При этом он предлагает принять в расчет «интенциональную направленность» этих текстов на «внешнюю действительность», которая, в свою очередь, призвана ограничивать спектр возможных трактовок исходных текстов. Эта методологическая установка принимается и оппонентом, но с одной оговоркой. Ее смысл сводится к тому, что «внешняя действительность» не

дана токай, какая она «есть на самом деле», никакому привилегированному наблюдателю. Всегда имеет место различие, которое связывает «карту и территорию» (с.78, 87). Так ставится вопрос Бейтсоном применительно к антропологическому наблюдению. Таковую же позицию занимает автор диссертации применительно к «действительности», описываемой Бейтсоном. Ему удастся органично встроиться в структуру («паттерн») бейтсоновского антропологического проекта и, тем самым, – подкрепить связь между выбранной темой исследования и способом ее исполнения. Позволительно будет и для оппонента принять ту же установку в отношении к описанию и объяснению (параграф 2.1.2.) того, как диссертант описывает и объясняет воспроизводство «действительности» в текстах Бейтсона. По сути, процесс ознакомления с текстом диссертации ставит оппонента в позицию наблюдателя-наблюдателя-наблюдателя. Или – в наблюдателя второго порядка за наблюдающим.

Оптики такого типа не позволяют двигаться по тексту диссертации, параграф за параграфом, отмечая достоинства и недостатки авторской позиции в каждом отдельном фрагменте. Кроме того, структура диссертации, на мой взгляд, избыточно фрагментирована. Она состоит из трех глав, включающих одиннадцать параграфов, два из которых (2.1. и 2.2.) подразделяются еще на семь и шесть пунктов соответственно. Поэтому в данном случае выбран способ анализа диссертационного исследования, который включает критических разбор на трех уровнях. Это: состоятельность аргументации *основных положений* (приемов) Грегори Бейтсона в определении им «паттерна» в ходе антропологического наблюдения, его описания и объяснения (I); аргументированность реконструкции диссертантом тех фундаментальных сюжетов бейтсоновской антропологии, которые отличают его подход от подходов других антропологов, работающих в этом направлении в первой половине XX в. (II); состоятельность позиции, согласно которой стратегия «паттерна», разработанная Бейтсоном, позволила ему продвинуться дальше в решении конкретных практических задач («морфологического поворота» в антропологии, психиатрических исследований, патологии сакрального), по сравнению с его предшественниками и современниками (III).

I. Д.Ф. Тестов проводит через весь текст диссертации три положения (приема), которые, как он справедливо утверждает, отличают использование «паттерна» Бейтсоном от других антропологов. Это: синонимия между «*паттерном*» (pattern) и «*избыточностью*» (redundancy), из чего, диссертант делает вывод о «криптографическом следе» всякого антропологического наблюдения; образ *разделительной черты*, как границы между логическими типами, которая переводит антропологическое наблюдение в режим «угадывания» неизвестных элементов на основании известных; и «принцип двойного наблюдения», требующий от антрополога своего рода пошаговой сверки умозрительно реконструированных паттернов за счет строгих и фундаментальных понятий с наблюдаемыми эмпирическими данными. В совокупности эти три приема фундируют весь исследовательский замысел по раскрытию ядра бейтсоновского метода в целом и морфологического поворота в частно-

сти. Они же используются диссертантом для реконструкции способов, посредством которых Бейтсон осуществлял свои исследования в отдельных областях – изучения сакрального опыта туземцев, патологии сакрального, связи балийских мистерий с клиническими иллюстрациями шизофрении в семье и т.д.

Правомочность выбора автором трех основных приемов подкрепляется обращением к краткой интеллектуальной биографии Бейтсона, а также историческим экскурсом в антропологические исследования 40-х гг. (параграфы 1.1., 1.2., 1.3.). В этой части диссертации критически важным, на мой взгляд, является обоснование диссертантом преимуществ, связанных с идеями «морфологического поворота», развернутыми в исследовательской программе Г. Бейтсона. На этом фоне основные понятия бейтсоновской модели антропологического наблюдения представлены как преодоление функционального подхода двух авторитетных британских антропологов, Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна. Далее показана преемственность и различие собственно бейтсоновского подхода со структурным анализом К. Леви-Стросса. Тем самым, Д.Ф. Тестов вписывает свой выбор трех основных понятий в общую канву истории развития культурной антропологии в первой половине XX века.

От обусловленного исторически обоснования выбора понятия «паттерна», диссертант в двух последних параграфах первой главы переходит к аргументации синонимии этого понятия с сопутствующими – «избыточностью» и «смыслом». Здесь верно показано, что актуализация этих двух феноменов связана с развитием криптографии и вовлечением Бейтсона в 40-е гг. в тот круг идей, которые развивались в сравнительной анатомии, гештальтпсихологии, социальной антропологии, теории информации и кибернетике. Междисциплинарная новация антропологического проекта Бейтсона дает ровно такие же основания для использовать в антропологической проблематике критериив-связок – избыточность, экономия описания, регулярность, эстетическая значимость..., – почерпнутых из других областей знания. Все это в последующих главах уже будет рассматриваться в качестве основных инструментов антропологического исследования. Подытоживая первую часть критического разбора, отмечу способность автора неуклонно удерживать логику изложения в русле заданной темы, усиливая при этом, шаг за шагом, аргументы в пользу основных положений, вынесенных на защиту.

II. Вторая часть критического разбора диссертации включает оценку двух аспектов. Это: 1) то, как автор реконструирует проясняющую роль понятия паттерна в стратегии антропологического наблюдения Бейтсона; 2) то, насколько результат осуществленной реконструкции позволяет выделить отличие и преимущества подхода Бейтсона от подходов других известных антропологов его времени.

Следует обратить внимание на то, как параграфе 2.1.2. подается бейтсоновская интерпретация антропологического описания и антропологического объяснения. Здесь автор следует принятой в первой главе стратегии

«улавливания» паттерна. Однако на этом этапе он подключает уже языковую интерпретацию этих понятий. Специфическая конфигурация культурных признаков (паттерн) есть то, что исследователь может «взять в клещи». Захватить антропологический объект представляется возможным, отталкиваясь от распознавания имплицитно вписанного языка описания и подлежащего экспликации языка объяснения (с. 80).

Диссертант правильно показывает то, что разум – фундаментальное понятие в бейтсоновской антропологии. Вызывает интерес в этой связи то, как он представляет различие концепций разума у Бейтсона и Леви-Стросса. Ведь каждый из них использует понятие разума в качестве объяснительного принципа. В диссертации четко обозначается основное различие двух подходов к антропологическому *другому* – «равноправного разума» и «дистанции», по Леви-Строссу, и «отношения» и «разделительной черты», по Бейтсону. Принцип разделительной черты, по мнению автора (и здесь с ним следует согласиться) несет в себе определенные преимущества, так как включает в себя механизм коммуникативного (рекурсивного) примыкания. Этот бейтсоновский принцип накладывает ограничения на коммуникацию, тем самым вынуждает антрополога прибегать к его стратегии наблюдения.

Заслуживает комплементарных слов сжатое и точное описание Д.Ф. Тестовым того, как Бейтсон, очевидно, под влиянием К. Шенона и Дж. фон Неймана, представляет разум, как то, что выходит за пределы биологического тела. Он к месту приводит знаменитый пример с тростью слепого, согласно которому «границу разума нельзя провести поперек трости» (с. 82). Именно этот посыл будет поставлен в последующем в центр дискуссий в 50-60-х гг. о «живых машинах» и об искусственном интеллекте – с 2000-х гг. до наших дней.

В этой части диссертационного исследования обращает на себя внимание выделение шести бейтсоновских критериев разума. Один из таких критериев («Взаимодействие между частями разума происходит по контурам особого рода – рекурсивным петлям») на самом деле ведет нас в несколько ином направлении, чем то, которое предложил диссертант. Именно этот принцип – *рекурсивной* каузальности – получит плодотворное продолжение в логике формогенеза, теории информации и коммуникативной теории систем (Дж. Спенсер Браун, Х. фон Фёрстер, Н. Луман и др.), где авторы будут упоминать бейтсоновское “*the difference that makes a difference*”, как начальный принцип их проектов. В этих проектах в развитие бейтсоновского принципа будет осуществляться не в направлении установления иерархии логических типов, а – в направлении гетерархии коммуникации, релятивирования онтологии («наблюдение на основании различения»), приданию наблюдателю статуса системы, а также толкованию «избыточности» в ином, отличном от исходно бейтсоновского, ключе. Нельзя сказать, что в диссертации понятие различия и коммуникации трактуются неверно. Более того, автор делится весьма глубокими и вовсе не тривиальными мыслями на этот счет. Он справедливо констатирует, что Бейтсон применительно к антропологическому наблюдению

первым объектом изучения делает коммуникацию, поскольку «ментальные структуры воображаемых ситуаций и фактов находят отображение в *структуре коммуникации...*» (с. 91). Но, видимо, на процесс коммуникации автор диссертации и оппонент смотрят с разных временных пригорков, диссертант с позиции разработок Бейтсона, сложившейся в 40-е гг. (что соответствует теме диссертации), оппонент – испытывает потребность дополнить видением данной проблемы и с пригорка 60-70-е гг. Именно в этот период оформляются теории коммуникации (информации, организации, систем), в которых рекурсии отводится вовсе не роль установления иерархии логических типов, а гетерархии, непрогнозируемому росту неопределенностей, конструктивизму. Данное рассуждение не столько противопоставляется позиции диссертанта, сколько отражает ощущение усилить историческую полноту созданной диссертантом картины бейтсоновского наследия. Наряду с этим, следует признать и то, что Д.Ф. Тестов убедительно, доходчиво, а в некоторых местах просто великолепно передает тонкости и нюансы большого числа фрагментов антропологических изысканий Бейтсона. И все-таки вовсе не лишним было бы показать не только то, как и за счет чего Бейтсон преодолевает подходы своих предшественников и современников по антропологическому центру, но и то, какие созданные им начала дали всходы в исследованиях последующих десятилетий. Вероятно, на этот счет диссертант располагает своим мнением и может предложить свои аргументы в ходе дискуссии.

Наряду с раскрытием понятия разума, заслуживает одобрения подход автора диссертации к расширению толкования понятия смысла (распознавание смысла как паттерна) в проекте Бейтсона, как одного из видов избыточности, предъявляемого в модусе достаточно высокого логического типа (с. 188).

В той же второй главе представлены отдельные достижения Бейтсона, которые подразделяются на отдельные пункты и подпункты. Из тринадцати таких подпунктов особо следует отметить: «Проблему описания единицы поведения», «Бихевиоризм и эмпатию», «Батуанскую живопись и теорию логических типов», «Фигуры транс и шизофрении», «Анаморфоз и визуальный криптоанализ», «Транс и безумие». Каждый фрагмент описан автором со знанием дела, а их совокупность в целом позволила ему сделать более убедительной исходную аргументацию. Эти описания, небольшие по размерам, но целостные по композиции, наполнили конкретным содержанием те методологические установки и правила, которые представлены диссертантом в качестве ключевых и фундаментальных в предшествующих параграфах.

Погружение в реконструкцию бейтсоновской теории сакрального автор выделил в отдельную, третью, главу. Здесь также осуществляется своеобразная сверка фундаментальных принципов на предмет «схватывания» паттерна, на своеобразных примерах-подсказках, предложенных Бейтсоном. Это углубление аргументации или продолжение всего того же ряда фрагментарных демонстраций? Полагаю, что выделение проблемы сакрального в отдельную главу мотивировано верно. Д.Ф. Тестов углубляет тем самым ком-

муникативный аргумент понятия паттерна. Так, он пишет, подводя итог своим обобщениям: «Строго говоря, быть сакральным – это не свойство, а отношение, точнее, специфический паттерн отношений, связанный с привилегированной функцией детерминации и ограничением коммуникации (запретом на обратную связь» (с. 187). В этом формульно выраженном обобщении дается, по сути, схема разгадки патологии сакрального.

Ровно так же, через идею паттерна, высвечивается феномен «экологической патологии», как нарушение правила «разделительной черты», когда целое искажается действием человека, как одного элемента экосистемы. В этой части работы диссертанту удастся показать то, что бейтсоновская концепция сакрального распространяется не только на антропологические исследования. Она выходит за пределы какой-либо отдельной области вообще, когда «речь идёт о сакральном, как имени, связанном с определённым паттерном» (с.163) в рамках той или иной ментальной системы (системы «Разум»), будь она культурной, психической, экологической, органической, кибернетической и т.д.

Диссертант тонко уловил «кибернетический переворот» понятия паттерна, который осуществил Грегори Бейтсон. Он смог умело распорядиться своими наработками, прозрениями и гипотезами, продемонстрировав их оригинальность и доказательность в тексте диссертации. Применяемые им исследовательские оптики позволяют глубже взглянуть и обстоятельней выразить философские аспекты понятия паттерна у Грегори Бейтсона. Все это служит свидетельством в пользу его таланта и трудолюбия, которые позволили ему достичь высоких научных результатов.

За пределами критического разбора мною оставлены отдельные понятия и термины, которых набирается достаточно много в тексте диссертации. Это: «плато», «бинокулярное зрение», «метода абдукции паттернов», «феномен муара», «контрпарадоксы гебефрениии», «параллакс ведьмы», «анаморфоз», «оптическая аналогия параллокса», отношение «прагматики и мистики», разграничение «цифровой и аналоговой коммуникации» и др. Каждый из этих терминов и понятий заслуживает отдельного разбора. Однако рамки и без того разросшегося отзыва накладывают известные ограничения. Остается только заметить, что терминологическое многообразие несколько затрудняет чтение работы. Хотя при известном приложении усилий, делает этот процесс увлекательным. Если заглянуть глубже в замысел автора, то легко можно обнаружить та перечисленные термины и понятия, работающие в том режиме, который им предписывает автор.

По ходу освещения диссертации я уже высказал несколько замечаний, на которые диссертанту следует дать разъяснения. Далее выделю еще несколько усмотренных мной недостатков.

1. При чтении складывается впечатление, что диссертант переполнен информацией и старается вместить в текст непременно все аспекты изучаемой темы. Он достиг поставленной цели, но при этом несколько перегрузил текст. Эту перегруженность терминологическую и структурную, можно, ко-

нечно, принять как все тот же «избыток», предпосылаемый читателю для создания его собственной версии «паттерна», но только уже – диссертации, а не бейтсоновского проекта. Иначе говоря, Д.Ф. Тестову не лишне было бы воспользоваться бритвой Оккама.

2. Недостаток, который следует рассматривать как продолжение замечания, сделанного в ходе разбора текста. Как было уже сказано, целый ряд положений получили развитие в несколько ином ключе, чем в том, в котором рассматривал их Г. Бейтсон применительно к понятию паттерна. Автор диссертации резонно сосредоточил свое внимание на бейтсоновском варианте, но вовсе не лишне было бы упомянуть и о других (альтернативных) способах последующей интерпретации, например, избыточности (*redundancy*). Это понятие уже при его жизни было включено в качестве фундаментального в системную теорию (Н. Луман), логику (Дж. Спенсер Браун, С. Кауфман), теорию информации и кибернетику второго порядка (Х. фон Фёрстер), теорию организации (Э. Морен), сетевой генеративности (Дж. Зиттрейн) и др.

Стремление как можно более точно выразить и тонко подметить нюансы бейтсоновского течения мысли в сторону «паттерна», похоже, всецело захватило исследовательский интерес автора диссертации. Это (во многом оправданное) авторское стремление вкупе с отказом рассмотреть альтернативные интерпретации – все это, на мой взгляд, не позволило автору высказать в своем анализе хотя бы несколько критических соображений по поводу бейтсоновского проекта.

3. Необходимо обстоятельней прояснить, что автор, вслед за Бейтсоном, понимает под «самоочевидностью бессознательных гносеологических предпосылок». И почему «взгляд, устанавливающий эмпатическую связь, и язык интерпретации должны быть ещё более абстрактными (или более формальными), чем эти предпосылки»? Следует также прояснить, почему «на этой позиции происходит интеграция гносеологии мистика с прагматикой наблюдения? (с.99–100).

Знакомство с диссертацией подводит к комплементарной в целом ее оценке. В ней просматривается настойчивое и неуклонное следование автора традиции научной школы В.А. Подороги, создавшей образцы мирового уровня. Диссертационное исследование Д.Ф. Тестова в этом ряду также призвано продемонстрировать потенциал отечественной школы философской антропологии, достижения которой, уверен, не позволят современному коммуникативному мейнстриму вытеснить ее на периферию исследовательского опыта.

Содержание автореферата полностью соответствует тексту диссертации. Публикации автора освещают все этапы многолетней исследовательской работы. В целом Д.Ф. Тестову удалось, на мой взгляд, внести свой заметный вклад в исследование философской антропологии Грегори Бейтсона. Им проработан и включен в концептуальное облако большой объем литературы на русском (125) и английском (31) языках, предьявлен богатый иллюстрацион-

ный материал, а также два фильма, снятые и смонтированные Г. Бейтсоном и М. Мид.

Текст диссертации представляет собой самостоятельное законченное научное исследование, изложенное профессиональным языком и содержащее в себе ценные для философской антропологии и философии культуры теоретические и практические положения. Содержание работы, как и реализованный в ней методологический инструментарий, а также сформулированные выводы вполне обоснованы. На этом основании заключаю: диссертация «Понятие паттерна в антропологии Грегори Бейтсона. Философские аспекты» полностью соответствует требованиям пунктов 9-11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 (с учетом последующих редакций), предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры, а ее автор, Тестов Дмитрий Фарукович, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук.

Официальный оппонент:

Ивахненко Евгений Николаевич,
доктор философских наук (09.00.03 – история философии), профессор,
профессор кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Е.Н. Ивахненко

30 апреля 2021 г.

Подпись профессора Ивахненко Е.Н. заверяю:

И.о. декана философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

А.П. Козырев

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», философский факультет
(119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», тел. +7-495-939-19-25, e-mail: info@philos.msu.ru, сайт: www.philos.msu.ru)

С перечнем публикаций официального оппонента Ивахненко Евгения Николаевича можно ознакомиться на следующих Интернет-ресурсах:

- https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=635592
- <https://istina.msu.ru/profile/IvakhnenkoEugene/>